

КОНЦЕПТ: СУЩНОСТНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

CONCEPT: ESSENTIAL AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS

V. Perevalov
I. Solodilova

Summary. The article is dedicated to the review of the existing interpretations of the concept in cognitive linguistics and linguistic culturology.

The ambiguity of the interpretation of the term makes it possible to identify and analyze the discussion points within this problem.

As such, the article considers the dependence of conceptual content on language or extra-linguistic reality, the presence or absence of the connection of the concept with the mental (consensual) area, mandatory / optional presence of the name of the concept, recognition / rejection of subject concepts. In more detail, the authors dwell on the understanding of the concept presented by works of V. I. Karasik, expressing, arguing, their point of view on the above mentioned discussion questions and justify the choice of the concept model and the algorithm for studying its content.

Keywords: concept, concept sphere, model, value, concept characteristics.

Перевалов Владимир Владимирович
Аспирант, Оренбургский Государственный
Педагогический Университет
v-perevalov@mail.ru

Солодилова Ирина Анатольевна
Д.филол.н., доцент, Оренбургский Государственный
Университет
solodilovaira16@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обзору существующих толкований понятия концепт в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Неоднозначность толкования термина дает возможность выявить и проанализировать дискуссионные моменты в рамках данной проблемы. В качестве таковых в статье рассматриваются обусловленность концептуального содержания языком или внелингвистической реальностью, наличие или отсутствие связи концепта с психической (консенсуальной) областью, обязательное / необязательное наличие имени концепта, признание / отрицание предметных концептов. Более детально авторы останавливаются на понимании концепта, представленном в работах В. И. Карасика, высказывают, аргументируя, свою точку зрения по названным дискуссионным вопросам и обосновывают выбор модели концепта и алгоритм изучения его содержания.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, модель, ценность, характеристики концепта.

Изучая картину мира человека в целом, а также её ценностную и языковую стороны, мы, прежде всего, обращаем внимание на некоторые характеристики, которые свойственны носителям данной культуры и языка. Именно ради их изучения и проводятся подобные исследования, целью которых является выделение культурной составляющей той или иной нации, социальной группировки, а также отдельного индивида. Основой для таких изысканий служат анализ концептосферы и её составляющих, а именно концептов, как структур, изоморфных картине мира.

Данное положение базируется на материалах психо- и нейролингвистики. Согласно этим исследованиям, наше знание и основанные на нём представления о мире, формируют систему, сеть, которая состоит из сложных в структурном отношении единиц — образов, гештальтов, сценариев и т.д., находящихся в определённой (прямой или опосредованной) взаимосвязи друг с другом. Единица данной системы обозначается чаще всего термином «концепт» (как признанным большинством ученых — приверженцев когнитивной теории), а их система — концептосферой.

Имея в науке давние традиции (см. работу С. А. Аскольдова «Концепт и слово» [2]), понятие концепта детально разработано и в современной когнитивной лингвистике. Под концептом понимается некий образ, существующий в сознании человека. Концепты основаны на знании как результате познания окружающей действительности и, в свою очередь, помогают структурировать все многообразие возможных значений и новых знаний. При этом концепты упрощают доступ к имеющимся знаниям и формируют наиболее приемлемый вариант, который используется в жизнедеятельности человека.

Анализируя труд С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёв предлагает рассматривать концепт как математически обусловленный феномен; то есть под концептом понимается алгебраически выраженное значение языковых реалий, которые используются человеком как в устной, так и в письменной речи. В силу определённых ментальных и физических ограничений, человек не может обработать всё многообразие значений, поэтому мышление оперирует концептами. В процессе их формирования важную роль играет не только принадлежность человека к языковому сообществу, но и личный жизненный

опыт. Личное восприятие окружающей действительности и способность мыслить играют немаловажную роль в процессе формирования концептосферы [23, с. 281].

В лингвокультурологии можно найти несколько иную интерпретацию сущности концепта. По мнению Ю. С. Степанова, концепт является семантическим образованием, которое обусловлено языковой средой, а кроме того, культурными реалиями [38, с. 14]. То есть, концептом является концентрированное лингвокультурное образование в сознании человека, своего рода способ влияния культуры на сознание человека. При этом сам человек не просто подвергается этому влиянию, но и становится в процессе этого частью данного культурного общества. Это позволяет нам не просто понимать культуру в целом, определённым образом её интерпретируя, но и в какой-то мере влиять на её формирование и развитие.

Указание на принадлежность концепта к коллективному сознанию является довольно значимым в интерпретации этого понятия. По мнению С. Г. Воркачева, концепт может формироваться на основе этнокультурной составляющей какого-либо этноса, а также под влиянием определённого языка [7, с. 51]. Следовательно, концепт является результатом коллективного восприятия действительности. Культура и язык народа подвергают постоянному анализу реалии внешнего мира и формируют из них конкретные понятийные формулы, концепты. В процессе взросления человек, будучи частью общества, принимает созданный ранее набор концептов, их содержание и дополняет элементами собственного опыта. Это позволяет ему идентифицировать себя как самостоятельную личность, при этом осознавая языковую и культурную соотнесённость с каким-либо этносом.

В концептологии также указывается на многоступенчатый характер концепта. Это объясняется наличием в концептах понятийных, языковых и культурных параметров. С. Х. Ляпин интерпретирует концепт как многоуровневое, идеализированное явление, которое опирается на понятийный аппарат, зафиксированный в знаках. При этом концепт имеет конкретный смысл, функционирующий в некотором культурном сообществе, а также обладает культурной трансляцией реалий данного общества [24, с. 55].

В. И. Карасик даёт иную интерпретацию многоуровневой структуры концепта. В его понимании концепт — это ментальное образование, которое одновременно существует в трёх плоскостях: образность, понятийный аппарат и ценностная составляющая [16]. Кроме того, учёный указывает и на онтологические параметры языковой картины мира, которые обуславливают своеобразие концептов. Возьмём на себя смелость проком-

ментировать данные положения, дополнив их своими рассуждениями.

1. Наличие имён концептов.

По мнению ученого, у каждого из сформированных концептов есть собственно имя.

2. Неравномерная концептуализация различных фрагментов действительности.

Понятия образуются путём вычленения определённого значимого фрагмента действительности. Большая значимость предопределяет более глубокое знание об объекте и соответственно формирует более сложную структуру концепта и усиливает его объективацию в языке.

3. Специфическая комбинаторика.

Наши знания имеют системный характер, что обуславливает наличие ассоциативных связей с отдельными элементами семантики как внутри одного концепта, так и с другими элементами концептосферы. Значимость отдельного концепта в культуре народа предопределяет его устойчивость и взаимосвязь с другими концептами. Стоит отметить, что особенности комбинаторики всегда культурно обусловлены.

4. Специфическая квалификация концептов.

Данный параметр напрямую связан с культурными доминантами, превалирующими в поведении общества, с его ценностными ориентациями, исторически закреплёнными в сознании и находящими свою реализацию в языке. В зависимости от них концепт может быть охарактеризован как ценностно-положительный либо отрицательный, что отражается в оценочной семантике языка.

5. Специфическая ориентация концептов.

Этот аспект непосредственно связан с предыдущим параметром. Ценностная значимость концепта задаёт ему вектор развития в определённой области жизнедеятельности человека, и, как следствие, предопределяет стилистическую маркированность выражений, объективирующих концепт в языке. По словам В. И. Карасика, выражение концепта — «это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [16, с. 110].

С последним положением связана проблема «номинативной плотности» концепта, значимая и для насто-

ящего исследования. Под номинативной плотностью концепта понимается результат неравномерной концептуализации фрагментов действительности. Некоторые, наиболее значимые для данного этноса явления, приобретают со временем ярковыраженное, четкое и при этом многообразное обозначение в языке. Это происходит в результате различных способов освоения окружающей действительности и при этом более детального изучения какого-либо из её фрагментов. Культурные доминанты, которые исторически сложились в данной культуре и языке играют в этом процессе, вероятно, главенствующую роль. Если концепт обладает высокой номинативной плотностью и достаточной частотностью его реализации в рамках того или иного дискурса, то можно смело говорить о его высокой значимости и актуальности и, следовательно, принадлежности к ценностной картине мира со знаком «плюс» или «минус» (иными словами, с ценностными индикаторами «ценность» — «антиценность»).

Утверждение отсутствия четкого определения термина «концепт» сегодня можно считать аксиоматичным. Во многом благодаря тому, что он функционирует во многих научных областях, таких как философия, культурология, лингвистика, этнология, психология и др. Так происходит потому, что концепт как категория мыслительная ещё не изучен полностью, равно как и свойства человеческого мышления, которые определяют своеобразие концептов как структур человеческого знания.

Данное обстоятельство не мешает, однако, проводить исследования лингво-ментального своеобразия восприятия окружающего мира той или иной национальной/социальной группой. Для решения задач данной проблематики становится необходимым определение ключевых позиций в рамках исследовательской области. В качестве таковых исходных позиций для настоящего исследования укажем на следующие, представленные, в частности в ряде наших работ ранее (см. работы [35;36]).

1. Концепт имеет ментальную природу и определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга [22] (см. также [3; 20; 27; 28; 34; 39; 43]). В данном положении спорным является вопрос о сущности концепта: является ли он чисто идеальной сущностью или же связан с физической материей. Утвердившийся в европейской науке картезианский дуализм как основа классического подхода постулировал не только разделение, разграничение сознания и тела, но и рассматривал их как две совершенно разные сущности. Классическая концепция познания и основывающиеся на ней исследования в рамках классического когнитивного подхода

вынуждены признавать концепт идеальной сущностью. Вместе с тем, в современной когнитивной науке набирает силу направление, которое «рассматривает когницию в системе координат «тело (мозг) — сознание — окружающая среда» [4; 12; 19; 21]. С этой позиции утверждается, что концепт как сущность высшей когнитивной организации непосредственно образуется из низших психических компонентов — образов, эмоций, чувств и т.д.» [4, с. 17]. Именно эти компоненты образуют его психофизиологическую основу — «некий чувственный образ, к которому «прикреплены» знания о мире, составляющие содержание концепта» [27, с. 57]. В психолингвистике также указывается на связь концепта с консенсуальной областью. В данном случае концепт описывается как «базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [11, с. 39]. Такие же выводы сделаны португало-американским учёным в области нейробиологии и нейропсихологии Антонио Домазини: «*образы в нашем разуме являются результатами взаимодействия между каждым из нас и объектами*», «однако это не пассивное — зеркальное — отражение <...> видимый нами образ базируется на изменениях, которые произошли в нашем организме, в теле и мозге, по мере того как физическая структура определенного объекта взаимодействует с нашим телом» (цит. по [12, с. 98–99], курсив.— авт., см. также [42]).

2. Концепт есть продукт познавательной деятельности человека. Эта позиция представлена в теории концептуалистов, в частности, в теории Петра Абеяра [30, с. 454–456]. С.Г. Воркачев, в соответствии с данной теорией, определяет концепт как «способ и результат квантификации и категоризации знания» [6, с. 6], которое было приобретено в результате взаимодействия с окружающим миром, как единица смысла отражающая «содержание результатов всей человеческой деятельности, процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [там же].

Не смотря на наличие иной точки зрения (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев), согласно которой единственным способом формирования содержания концепта является семантика языкового знака [25, с. 46], в результате чего концепт должен пониматься как «парадигматическая структура, выводимая из семантических отношений имени, фиксированного в тексте» (цит. по: [40, с. 241]), мы склонны придерживаться первого утверждения исходя из следующих рассуждений.

По нашему мнению, концептуальный уровень подвержен как внутреннему, так и внешнему влиянию. Формируясь в человеческом опыте, содержание концепта корректируется семантикой объективирующих его языковых знаков (хотя, верно и обратное утвержде-

ние). Это формирование может иметь два пути: с одной стороны, языковление имеющегося знания (опыта), а с другой — инициирование языковым знаком нового концептуального содержания (при заимствовании лексической единицы) [27, с. 44–45]. Этот факт доказывает высказанное нами ранее утверждение структурной сопряженности мышления и языка, когниции и коммуникации [35, с. 46–48].

3. Концепт находит свою объективацию в языковых знаках различной сложности, и именно язык предоставляет наилучший доступ к изучению концептуального содержания. Относительное единодушие в данном утверждении наталкивается на жаркий спор по вопросу обязательной / необязательной языковой выраженности концепта (ср. концепции [13, с. 76; 29, с. 123] и [27, с. 41–44]). В дискуссии по этому вопросу мы придерживаемся первой точки зрения, мотивируя свою позицию тем, что процесс концептуализации, заключающийся в членении мира на *распознаваемые* и *познаваемые* дискретные сущности и имеющий целью *выделение* минимальных единиц человеческого опыта в их содержательном представлении [10 с. 65] и, соответственно, *вычленение* той или иной сущности из множества других завершается именно процессом вербализации. Отсутствие в языке имени концепта свидетельствует или об отсутствии данного концепта в соответствующей национальной картине мира вообще, или о его только формирующемся статусе, когда выражение концепта осуществляется лишь описательно, в силу отсутствия в языке конвенционально закрепленных, языковых средств. При этом обратное утверждение не может быть верным: наличие в языке лексической единицы не является доказательством существования сформировавшегося концепта. Примером этому являются заимствованные слова (обозначающие, прежде всего, абстрактные понятия) на раннем этапе их функционирования в заимствующем языке. Значения этих слов едва ли осмыслены носителями языка в рамках совокупного семантического пространства (под семантическим пространством здесь и далее понимается совокупность семантики языковых единиц и их ассоциативных связей, реализуемых в вербальной сети речевого общения носителей языка (Ср. [29, с. 93–95].), а обозначаемые ими реалии не соотносены «с усвоенными ранее культурно-ценностными доминантами» [34, с. 10]. В русском языке этот процесс можно проследить на примере формировании понятийного содержания у слова *толерантность*. Синонимичное слову *терпимость* оно с трудом встраивалось в семантическое пространство русского языка, лишь постепенно осмысляясь его носителями и обрстая смыслом и ассоциативными связями. Это обстоятельство не позволяло долгое время говорить о наличии соответствующего концепта в картине мира русских. Значения заимствованных слов на начальном этапе их употребления не включены в ценностную

систему индивида. Таким образом, осмысление человеком значимости объекта, вычленяемого в общем континууме предметов и явлений, для своего «Я»-мира есть одно из обязательных условий формирования концепта. В этом и заключается антропоцентричный по своей сути характер процесса концептуализации (см. [1, с. 81]).

4. Осмысление человеком значимости объекта для своего «Я»-мира как главное условие его выделения и дальнейшей концептуализации опыта и знаний, связанных с ним, с необходимостью предполагает возможность концептуализации опыта, полученного от взаимодействия с любым объектом познания, а не только с абстрактными понятиями, как утверждает некоторыми лингвокультурологами [5]. Представители данной точки зрения отказывают образам предметов в концептуальном статусе, объясняя это тем, что «в сознании носителя языка отсутствует ценностное отношение к подобным феноменам» [15]. И все же преобладающим и в лингвокогнитологии, и лингвокультурологии [27,31,33] является признание существования предметных концептов именно в силу того, что они также могут обрастать множеством переживаемых ассоциаций, занимая свое место в общем культурно-значимом пространстве. С нашей точки зрения, любой предмет, попадающий в сферу деятельности человека, приобретает определенную ценность, осмысляется именно благодаря связи с теми или иными чувствами-переживаниями. Ценностная значимость объекта познания как основа формирования концепта является исходным пунктом любой языковой категоризации и концептуализации действительности [41, с. 98]. Многими исследованиями подтверждено, что ценностная составляющая предметных концептов достаточно четко выражена в пословицах, содержащих предметные имена, во вторичных значениях предметных имен, их аллегоризации (*тонкая рябина — дуб высокий* в русской культуре) — феноменах, являющихся результатом обобщения опыта и переосмысления предметных сущностей. А.С. Самигуллина объясняет возможность лингвокультурологического статуса предметных концептов диффузностью между первыми и вторыми [32, с. 52–53]. Эта метаморфоза определяется символизацией образной составляющей концепта, вследствие чего происходит «смещение акцентов в понимании сущностных параметров концепта, что, как следствие, ведет к появлению “новой” триады: КОНЦЕПТ — СИМВОЛ — ЗНАК <...>, где символ <...> выполняет регулятивную функцию транслятора одной концептуальной категории в другую, а именно переводит предметные концепты в концепты лингвокультурологического плана» [32, с. 53].

5. Таким образом, концепт в нашем понимании есть знание в ценностной перспективе субъекта, «дискретизованное переживаемое в сознании значение, которое

способно быть объективированным посредством выражения в кодификационных системах культуры» (А. А. Пелипенко, И. Г. Яковленко — цит. по [32, с. 58]); он проявляет следующие характеристики:

- ◆ *дискретность* — *синкретичность*: с одной стороны, концепт (с целью научного моделирования его содержания) разложим на отдельные составляющие (слои, стороны, элементы и т.п. [24; 37; 14; 6]), а с другой (как единица семантического пространства), есть целое, нерасчлененное представление (образ) «некоторого знания (пред-знания) в его обобщенном виде» [29, с. 46], «зерно первосмысла» [18, с. 21], «зачаточная истина» [9, с. 45], обрастающая все новыми и новыми смыслами;
- ◆ *стабильность/статичность* — *нестабильность/динамичность*: концепт, являясь, с одной стороны «стабилизирующим фактором организации жизни и способов общения» [29, 73], проявляет в определенной точке языкового развития ярко выраженную тенденцию к стабильности, которая обеспечивает ему «преемственность» между поколениями и способность функционировать, а с другой, — в диахроническом аспекте рассмотрения — представляет собой некую «динамичную и непрерывно становящуюся совокупность» субъективных представлений о действительности, обретающую целостность в языке в контакте с действующими в культурном контексте смыслопорождающими системами воплощения, понимания и интерпретации этих представлений» (К. А. Зацепин, И. И. Саморуков — цит. по: [29], курсив наш);
- ◆ *текстуальность*: концепт есть свернутый текст [25, с. 51], который можно представить неким набором пропозиций, где предикациями выступают значимые признаки концепта;
- ◆ *ценностность*: любой концепт (как абстрактного, так и предметного планов) имеет в своем содержательном пространстве пропозицию(и) оценочного характера, которая(ые) описывае(ю) т ценность представляемой им сущности (см. [14, с. 127; 34, с. 10]); в этой интерпретации проявляется ориентация термина концепт «на смысл, который существует в человеке и для человека, на интер- и интрапсихические процессы» (Р. М. Фрумкина — цит. по [40, с. 243]);
- ◆ *субъективность/вариативность* — *инвариантность*: данная дихотомия отражает две ипостаси существования концепта: с одной стороны, это феномен индивидуального сознания, «результат прагматических обобщений воспринимаемой действительности» [37, с. 44] отдельным человеком, единица *ego* концептосферы, а с другой — единица национальной концеп-

тосферы (Ср.: «национальная концептосфера — совокупность категоризованных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа» [14, с. 130].) как инвариант, объединяющий представителей одной национальности/одного народа в понимании той или иной сущности [8, с. 112];

- ◆ *триединство*: концепт как смысл, объективированный в знаке, находится с этими феноменами во множественных отношениях, но не тождественен ни смыслу, ни знаку, однако, воплощаясь друг в друге, они не существуют как нечто самостоятельное, функционирующее независимо друг от друга [29, с. 30–36].
- ◆ *моделируемость*: дискретность концептуального содержания обеспечивает возможность его моделирования и, соответственно, наличие различных моделей: трехслойных образований (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик), полевой структуры (З. Д. Попова, И. А. Стернин), фреймов (З. А. Харитончик), скриптов, сценариев и т.п., данные модели есть научные абстракции, позволяющие эксплицировать структуру и содержание концепта исходя из задач исследования [17, с. 13].

Когнитивная наука располагает сегодня множеством определений термина «концепт», что связано, во-первых с развитием на ее основе нескольких научных направлений, смежных, но не тождественных: лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, — оперирующих понятием концепта и определяющих его содержание исходя из своих положений и подходов к изучению, а во-вторых, все еще значимой недоступностью (несмотря на огромные усилия науки) «черного ящика» для научного «препарирования» и получения прямых, а не опосредованных (в данном случае, языком) фактов, данных о его структуре и содержании.

Научное осмысление данного понятия приводит нас к выводу о том, что концепт как ментальное образование обладает следующими, значимыми для настоящего исследования, характеристиками: образностью (наличие представления в сознании и внутренней формы Лексической Единицы), понятийностью (выделение в структуре концепта комплекса наиболее значимых, существенных признаков), ценностной семантикой (определяемой значимостью соответствующего объекта / фрагмента окружающего мира для «Я»-мира носителя языка с точки зрения его положительных и отрицательных характеристик), имеющей, как эксплицитную (выраженную в языковом знаке), так и имплицитную (реализуемую исключительно под воздействием ситуативного контекста) природу. Выделенные нами характеристики позволяют обосновать выбор модели концепта как исходной струк-

туры, используемой для изучения его содержания. В содержании концепта предлагается выделять *понятийный, образный и ценностный слои*, изучение которых позволит выявить следующие семантические компоненты:

1) *понятийный слой* — сущностные признаки, дающие обобщенное представление об объекте как о единице соответствующего класса объектов или явлений, т.е. категориальные признаки;

2) *образный слой* — особенности представления объекта, явления в национальном сознании носителей соответствующего языка, как на современном этапе, так и в этимологическом ракурсе (выявление «первых шагов» концепта);

3) *ценностный слой* — значимость концепта в концептосфере носителей языка относительно ценностных индикаторов «ценность» — «антиценность».

Определение семантического содержания названных слоев предполагает

изучение объективирующих концепт языковых единиц на соответствующих языковых уровнях: 1) анализ денотативного содержания лексической единицы (ЛЕ) — через словарные дефиниции, 2) анализ внутренней формы слова (выражения) — через семантическую или словообразовательную структуру в синхронии и диахронии, 3) анализ оценочной и эмотивной семантики — через словарную и контекстуальную маркированность ЛЕ с точки зрения языковой нормы и выраженности оценочного и эмоционального отношения говорящего.

При этом определение значимости того или иного концепта для национальной / социальной культуры может осуществляться на основе «номинативной плотности» концепта, т.е. частотности употребления и разнообразия языковых единиц, объективирующих концепт в том или ином дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс. 1990. — 511с.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — М., 1997. — С. 267–279.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996 г.
4. Бронник Л. В. Природа концепта: «ментализм-дуализм-физикализм» или новый взгляд на проблему? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. — С. 13–20.
5. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография. — Краснодар: Изд-во Кубан. гос. тех. ун-та, 2002. — 312с.
6. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. — М.: МГУ, 2003. — С. 5–12.
7. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
8. Гирный А. В. В поисках подхода к построению динамической модели концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. № 4. — С. 42–46.
9. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. — № 1. — С. 35–47
10. Зайнуллин М. В. Зайнуллина Л. М. Общие проблемы лингвокультурологии: Курс лекций. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2008–206с.
11. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово и текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. — 543с.
12. Залевская А. А. Проблема «тело-разум» в трактовке А. Дамазио // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 82–104.
13. Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Уч. Пособие. — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — 152с.
14. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 1999. — 390с.
15. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
16. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477с.
17. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — 512с.
18. Колесов В. В. Λογος и Ratio // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка. — Юб. сб. в честь почет. Академика АН РБ д-ра филол. н. проф. Л. М. Васильева. — Уфа: «Гимм», 2007. — С. 17–21.
19. Колмогорова А. В. Языковое значение как структура знания и опыта // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 240–256.
20. Кравченко А. В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 3–12.
21. Кравченко А. В. Является ли язык репрезентативной системой? // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 135–156.
22. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. М. 1996 г.
23. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997 С. 280–287

24. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Коцепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. С. 11–55.
25. Маслова В. А. Когнитивная семантика: учебное пособие. — 3-е изд-е, перераб. и доп. — Минск: Тетра Системс, 2008. — 272с.
26. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 176с.
27. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2003. — 191с.
28. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика., И. А. Стернина. — М.: Гнозис. 2007. 512с.
29. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 176с.
30. Рассел Б. История западной философии. Т. 1. — М.: «Миф», 1993. — 510с.
31. Самигуллина А. С. Семантика концептов: к проблеме интерпретации субъективных смыслов. — Уфа: РИО БашГУ, 2006. — 120с.
32. Самигуллина А. С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: Монография. — Уфа: РИО БашГУ 2008. — 316с.
33. Серова И. Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2001. № 1 — С. 15–22
34. Слышкин Г. Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. Сб. научн. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 62–68.
35. Солодилова И. А. Семантика оценочного слова: лингво-когнитивные пути исследования: монография / И. А. Солодилова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. — 194с.
36. Солодилова И. А. От значения к концепту: границы феномена / И. А. Солодилова // Филологические чтения: материалы научно-практической конференции / ФГБОУ ВПО «ОГИМ», — Оренбург: ОГУ, 2012. — С. 101–106.
37. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1997. — 335с.
38. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
39. Фесенко Т. А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1999
40. Чурилина Л. Н. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 416с.
41. Czachur W. Einige Überlegungen zur Kategorie des diskursiven Weltbildes // Muttersprache. — 2011. — S. 97–103.
42. Domasio A. Ich fühle also ich bin. Die Entschlüsselung des Bewusstseins. Berlin: List, 2000. — 455s.
43. Fraas Cl. Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen. Die Konzepte „Identität“ und „Deutsche“ im Diskurs zur deutschen Einheit. Tübingen: Narr, 1996.

© Перевалов Владимир Владимирович (v-pervalov@mail.ru), Солодилова Ирина Анатольевна (solodilovaira16@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Оренбургский Государственный Педагогический Университет